

Т. И. КОВАЛЕВА, И. Е. ЛОЩИЛОВ

Институт филологии Сибирского отделения РАН, Новосибирск

СТИХОТВОРЕНИЕ ВИКТОРА СОСНОРЫ «РОГНЕДА»: ИСТОЧНИК СЮЖЕТА, ПОЭТИКА И КОНТЕКСТЫ

...А я — выходец из древнерусской школы.
В. Соснора. Из письма к Я. Гордину, <1987/1988>

К истории о сватовстве кн. Владимира к полоцкой княжне Рогнеде обращались такие авторы, как Н. Карамзин, Н. Арцыбашев, К. Рылеев, А. Амфитеатров, и др. Источники, которые использовал В. Соснора при написании стихотворений, далеко не всегда можно установить точно, однако в основе «Рогнеды» (1959), благодаря «расшифровке» аллюзий выявляется рассказ, читающийся под 1128 г. в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях. Поэтическая логика В. Сосноры позволяет выстраивать прямые связи с источниками, а также, с помощью ассоциативных переключек, с произведениями как древнерусской и народно-поэтической традиций, так и литературного авангарда. Аллюзии, неявные связи между стихотворениями на уровне мотивов, образов, отдельных словосочетаний — приемы, с помощью которых поэт «перефантазирует» события для современного читателя, создавая нечто вроде современного аналога скоморошины.

Ключевые слова: русская литература, поэзия XX в., В. Соснора, стихотворение «Рогнеда», поэтика, древнерусская традиция, Повесть временных лет, летописный рассказ о сватовстве Владимира к Рогнеде.

Поэт Виктор Соснора вошел в печатную литературу подборкой из трех стихотворений, объединенных связью с древнерусской словесностью: 4 марта 1960 года в газете «Литература и жизнь» с предисловием Николая Асеева были напечатаны стихотворения «Гусли Бояна», «Побег» и «На заутрене бор мокр...».¹ В первой книге поэта, «Январский ливень» (1962), 20 «древнерусских» стихотворений были объединены в раздел «За Изюмским бугром», с подзаголовком «По мотивам “Повести временных лет” и “Слова о полку Игореве”».

Стихотворение «Рогнеда», о котором пойдет речь в этой статье, создано в 1959 году; впервые оно было напечатано во втором сборнике поэта — «Триптих» (1965), как последнее, седьмое стихотворение в составе цикла «Из песен Бояна»² (в «древнерусском» разделе первой книги в составе соответствующего цикла, «Боян»,³ было всего шесть стихотворений).

¹ Соснора В. А. Гусли Бояна; Побег; «На заутрене бор мокр...» // Литература и жизнь. 1960. 4 марта. № 28 (298). С. 2; Асеев Н. О машине времени и стихах В. Сосноры // Литература и жизнь. 1960. 4 марта. № 28 (298). С. 2.

² Соснора В. А. Триптих. Л., 1965. С. 140–143.

³ Соснора В. А. Январский ливень. М.; Л., 1962. С. 57–67.

Третья книга Сосноры целиком состояла из стихотворений по мотивам древнерусских памятников; начиная с этого издания цикл обрел название «Всадники». Стихотворение «Рогнеда» получило здесь окончательное графическое оформление — во всех последующих изданиях оно воспроизводится именно так, как было напечатано во «Всадниках».⁴

При первой публикации и в трех известных нам ранних машинописных редакциях цикла текст «Рогнеды» содержит небольшие отклонения от этого устоявшегося, «канонического» варианта; о них будет сказано далее. Две из них (архивные фонды поэтессы Майи Борисовой⁵ и Лили Брик⁶) носят название «Голь пережатая» (1959–1960), одна (фонд Николая Асеева) — ««Слово о полку Игоревом» <sic> в современном звучании».⁷

Рогнеда
На Днепре
апрель,
на Днепре
весна
волны валкие выкорчевывает.
А челны
черны,
от кормы
до весла
просмоленные, прокопченные.

⁴ Соснора В. А. Всадники. Л., 1969. С. 14–16; Соснора В. А. Стихотворения. Л., 1977. С. 151–152; Соснора В. А. Возвращение к морю: Лирика. Л., 1989. С. 25–27; Соснора В. А. Всадники: По мотивам «Слова о полку Игореве» / Предисл. Д. С. Лихачева. СПб., 2003. С. 14–15; Соснора В. А. Стихотворения. СПб., 2006. С. 7–9; Соснора В. А. Последняя пуля. СПб., 2010. С. 22–24; Соснора В. А. Стихотворения. СПб., 2018. С. 25–27. Стихотворение было также включено во 2-е и 3-е издания стиховедческой антологии: Мысль, вооруженная рифмами: Поэтическая антология по истории русского стиха / Сост., автор статей и примеч. В. Е. Холшевников. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1987. С. 552–554; Мысль, вооруженная рифмами: Поэтическая антология по истории русского стиха / Сост., автор статей и примеч. В. Е. Холшевников. 3-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2005. С. 629–631, и в антологию новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны» (The Blue Lagoon: Antology of modern russian poetry. Vol. 5A. Newtonville, 1986); см: Соснора Виктор Александрович // Русские писатели. Поэты (Советский период): Биобиблиографический указатель. Т. 24: В. Соколов — А. Сурков. СПб., 2001. С. 100.

⁵ Виктор Соснора. Голь пережатая. Сентябрь 1959 — февраль 1960 (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-607 (М. И. Борисова). Оп. 1. Д. 567. 74 л.). Л. 55–57: Рогнеда.

⁶ Виктор Соснора. Голь пережатая. Сентябрь 1959 — февраль 1960 (РГАЛИ. Ф. 2577 (Л. Ю. Брик, В. А. Катанян). Оп. 1. Ед. хр. 1548. 64 л.). На титульном листе инскрипт: «Л. Ю. Брик с уважением, с благодарностью за знакомство. В. Соснора 13.III. 1962 г.». Л. 23–25: Рогнеда.

⁷ Виктор Соснора. «Слово о полку Игоревом» в современном звучании (РГАЛИ. Ф. 28 (Н. Н. Асеев). Оп. 1. Ед. хр. 333. 68 л.). Л. 62–64: Рогнеда.

А Смоленск
в смоле,
на бойницах
крюки,
в теремах горячится пожарище.
У Днепра
курган,
по Днепру
круги,
и курган
в кругах
отражается.
Во курган-
горе
пять бога-
тырей,
груды в шрамах — военных отметилах,
непробудно спят.
Порубил супостат
Володимир родину Рогнедину.
На передней
коробе
в честь предка
Сварога
пир горой — коромыслами дымными.
Но Рогнеда
дичится,
сдвинув плечи-
ключицы,
отвернулась от князя Владимира.
Хорохорятся кметы:
— Дай рог
Рогнеде,
продрогнет Рогнеда под сорочкою. —
Но Владимир
рог не дал
нелюдимой
Рогнеде.
Он промолвил:
— Ах ты, сука непорочная!
Ты грозишь:
в грязи
народишь сынка,
хитроумника, ненавистника,
и сынок
отца
завлечет в капкан
и прикончит Владимира быстренько.
Не брильянты глаза у тебя! Отнюдь!
Не краса —
коса
цвета просового.

От любви
убил
я твою родню,
от любви к тебе, дура стоеросовая! —
    Прослезился князь,
    преподносит — на! —
скатный жемчуг в бисерной сумочке.
    Но челны
    черны,
    и княжна
    мрачна,
только очи
ворочает
    сумрачно.⁸

Ролан Барт говорил в 1977 году: «С древнейших времен вплоть до новейших авангардистских опытов литература неустанно печется о том, чтобы воссоздать нечто. Что же именно? Да очень просто: реальность. Между тем реальное не поддается воссозданию; и именно потому, что люди во что бы то ни стало стремятся его воссоздать с помощью слов, как раз и существует история литературы».⁹ Создавая цикл по мотивам древних памятников словесности, Соснора фактически создал неповествовательный аналог исторического романа-эссе — формы, к которой поэт пришел позже на материале историографии XVIII–XIX веков в книге «Властители и судьбы: Литературные варианты исторических событий»:¹⁰ «Повествование как форма, связывающая Роман и Историографию, в целом оказывается именно продуктом выбора и выражением определенного исторического момента».¹¹ В 1986 году, когда книга вышла, Соснора писал художнику Михаилу Шварцману: «Чтоб пояснить мое отношение к “искусствам”, я скажу, что книга “Властители и судьбы” — ерунда, это мой отдых, так, подмалевка. В труднейшие периоды, когда все внутренние силы исчерпаны, я обращаюсь к истории и занимаюсь такими странноватыми перевариваниями книг, трупоедством. Это едство дает отдых на год-два. То есть это реализм, к которому я чужд по сути. Я и истории чужд, т. е. мне не интересно то, что интересно в ней. Вы скажете, а что в литературе не ерунда? То, что не написано. В живописи другое. Там есть возможность концентрировать краски до высоких понятий.

⁸ Соснора В. А. Всадники. С. 14–16.

⁹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 554.

¹⁰ Соснора В. А. Властители и судьбы: Литературные варианты исторических событий. Л., 1986. 296 с.

¹¹ Барт Р. Нулевая степень письма. М., 2008. С. 70.

Это возможно еще и в стихах. В прозе — нет, и в какой, потому что любая — это логика. Я пишу сумбурно...»¹²

Древнерусская тематика обеспечила поэту вхождение в печатную литературу своего времени. В предисловии к первой публикации своей неизданной книги 1963 года («Книга Юга») Соснора писал: «Писать стихи начал в 1962 г.¹³ Впервые меня напечатал Николай Асеев в 1960 г. в Москве. Первая книжка вышла в издательстве “Советский писатель” в Ленинграде (“Январский ливень”). Меня безоглядно любили футуристы: В. Татлин, Н. Заболоцкий, В. Каменский, А. Кручных, Л. Брик, Д. Бурлюк. Единственная цельная книжка, вышедшая в те времена, — «Всадники» с предисловием академика Д. Лихачева. Остальные — перепечатки, обмылки. А потом меня совсем перестали печатать. Работал в театрах и в студии научно-популярных фильмов. Писал прозу. Первая книжка прозы “Властители и судьбы” вышла в 1986 г. (через 20 лет после написания). Стихи не выходят книжками до сих пор».¹⁴ Условные «футуристы», несомненно, оценили новаторство формы и изощренность поэтической техники.

Во «Всадниках» Соснора наследует той линии русского футуризма, которая ведет через поэтику Божидара (Богдана Гордеева) и Николая Асеева времен «Зора» и «Сарматских песен» — к Хлебникову и Маяковскому: «Свою книгу “Архаисты и новаторы” Ю. Тынянов хотел назвать “Архаисты-новаторы” — через дефис, близкий по смыслу знаку равенства, и формула “архаист-новатор” как нельзя лучше подходит Хлебникову. Ю. Тынянов имел в виду не до конца понятную, но безотказно действующую закономерность, в силу которой любая попытка новации в области культуры поднимает на поверхность давние культурные слои, и чем мощнее попытка, тем глубже перемещаемый слой архаики. ...Сокрушительное новаторство Маяковского повело к актуализации в его творчестве средневеково-христианских моделей (через голову “новой” русской культуры XIX века); тихое, но, по сути, более резкое “будетлянство” Хлебникова актуализировало еще более древние — древнейшие — культурные модели, относящиеся к области первоначальной мифологии».¹⁵ Поэтика «Всадников» принадлежит

---

¹² Цит. по: Шварцман М. С. Смородинные сумерки: Стихи и письма / Сост. И. Шварцман, Д. Горохов. СПб., 2011. С. 170.

¹³ В действительности намного раньше. Соснора, вслед за художниками раннего авангарда, декларировал право поэта на пренебрежение к проверке дат и фактов; в наиболее полном издании его поэтического наследия первые стихотворения датированы 1954 («Ты») и 1956 («Грузили снег лопатами на ЗИС’ы...») годами (Соснора В. А. Стихотворения. СПб., 2018. С. 21–22).

¹⁴ Соснора В. А. Книга Юга 1963 // Мансарда: Литературно-художественный журнал. 1996. № 1. С. 51.

¹⁵ Петровский М. С. Городу и миру: Киевские очерки. 2-е изд. Киев, 2008. С. 80–82.

своему времени (условно говоря, «оттепели») и наследует футуристическому эксперименту; в стихотворениях цикла поэт предпринимает нечто противоположное, но и глубоко родственное, например, эксперименту Романа Якобсона, который перевел авангардистское стихотворение Маяковского («Ничего не понимают») на старославянский язык: «къ брадобрию приидохъ и рекохъ хоштжъ отъче, да причешеш ми оуши». ¹⁶ «Наша современность начинается с поисков Невозможной Литературы». ¹⁷

Начавшийся с «Всадников» и Древней Руси путь поэта был направлен именно в эту сторону, в сторону «поисков Невозможной Литературы» — литературы как «песни, которая называется “не пой”». В 2011 году он говорил, отвечая на вопросы интервьюера: «Я не определял, кому мои стихи доступны, а кому недоступны. Это определяли сначала Николай Асеев, потом Лиля Брик, Константин Симонов, потом Лебедев, личный секретарь Хрущева по культуре, ¹⁸ потом главный брежневский идеолог М. Суслов и прочие. Потом к ним присоединился академик Д. Лихачев. Но это все было о моих древнерусских мотивах “Слова о полку Игореве”. Где подразумевалось “самодержавие, православие и народность”. И вот этот прелестный мотив так и держит меня от 23 до 75 лет. Остальные стихи печатались за границей (Америка, Германия, Франция и т. д.). Печатать здесь мои “непатриотические” стихи и прозу стали только с начала 90-х. Так что сами определяйте, кому они были адресованы. По-моему — никому». ¹⁹ Военно-историческая, «патриотическая» тематика обеспечила на первых порах стихотворениям Сосноры покровительство советского официоза: даже столь одиозный «критик», как Всеволод Кочетов, неоднократно называл его имя среди «подающих надежды» молодых советских поэтов. ²⁰ Большую проницательность проявил Алексей Югов, отозвавшийся на стихи Сосноры по мотивам «Слова о

¹⁶ См.: *Шапир М. И.* Русская тоника и старославянская силлабика: Вл. Маяковский в переводе Р. Якобсона // *Шапир М. И.* *Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков.* Кн. 2. М., 2015. С. 51.

¹⁷ *Барт Р.* Избранные работы. С. 78.

¹⁸ Владимир Семенович Лебедев (1915–1966), журналист и партийный деятель; в аппарате Н. С. Хрущева занимался вопросами литературы и искусства.

¹⁹ Виктор Соснора: «Возврата — нет» // *Собственное мнение: Информационно-аналитическое обозрение из Санкт-Петербурга.* 2011. № 4 (80). С. 17.

²⁰ [*Кочетов Вс.*] Страницы будущих книг: В гостях у «Восточно-Сибирской правды» // *Восточно-Сибирская правда.* 1962. 20 октября. № 248 (12654). С. 4; *Кочетов Вс.* *Время больших надежд (Слово имеет: журнал «Октябрь»)* // *Комсомольская правда.* 1962. 16 ноября. № 267 (11511). С. 3. В тот же день Лилия Юрьевна Брик писала Сосноре: «А сегодня в “Комс<омольской> правде” Вас упомянул Кочетов... Какая прелесть!» (Переписка Виктора Сосноры с Лилей Брик / Публ. Я. Ананко; вступ. заметка В. Сосноры // *Звезда.* 2012. № 1. С. 160).

полку Игореве» разгромно-охранительной статьей с показательным названием²¹ и определивший «весь этот перевод, или перепев» как «охальство».²²

В начале XIX века к изложению истории о Рогнеде и князе Владимире обращались Николай Карамзин (в первом томе «Истории государства Российского») и его оппонент — историк, поэт и прозаик Николай Арцыбашев, чья повесть «Рогнеда, или Разорение Полоцка», печатавшаяся в 1804 г. в «Северном вестнике», вышла отдельным изданием в 1818 г.²³ Историческая баллада-дума «Рогнеда» Кондратия Рылеева (1821/1822)²⁴ восходит к «Истории государства Российского» Карамзина,²⁵ а написанная в подражание «Руслану и Людмиле» «романтическая поэма» Ивана Алякринского (1837)²⁶ — к повести Арцыбашева. В 1880-х годах Александр Амфитеатров пишет «драматические сцены в четырех действиях» «Полоцкое разорение».²⁷ В предуведомлении «От автора» были перечислены источники этого сочинения, включая, наряду с «Карамзиным, Соловьевым, Костомаровым», и «Летописный рассказ».²⁸ В более широком контексте русской культуры заслуживает упоминания опера композитора Александра Серова «Рогнеда» (1863–1865). Вместо баллады, повести, поэмы или трагедии Соснора создает нечто вроде современного аналога скоморошины.

Источники, которые использовал В. Соснора, далеко не всегда можно установить точно, поскольку по этому вопросу нет достоверных сведений. Однако в книге «Январский ливень» 1959 г. Н. Асеев писал: «Второй <“древнерусский”> раздел “Январского ливня”, по моему, самый важный в книге для понимания дарования В. Сосноры. Это исторические стихи, написанные по мотивам “Повести временных лет” и “Слова о полку Игореве”».²⁹ Одно из таких «исторических стихотворений», в котором узнается летописный сюжет, — «Рогнеда».

Свой творческий принцип работы с материалом Соснора определил как «перфантазирование», т. е. «обновление» событий древнерусской истории для современного читателя. С позиции исследовате-

²¹ Югов А. Поругание великой поэмы // Наш современник. 1969. № 10. С. 123–124.

²² Югов А. Поругание великой поэмы. С. 123.

²³ [Арцыбашев Н. С.] Рогнеда или Разорение Полоцка. СПб., 1818. 109 с.

²⁴ Рылеев К. Думы / Изд. подгот. Л. Г. Фризман. М., 1975. С. 23–33. (Литературные памятники).

²⁵ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12 т. Т. 1. М., 1989. С. 141, 145, 147.

²⁶ [Алякринский И. П.] Рогнеда, романтическая поэма. М., 1837.

²⁷ Амфитеатров А. В. Пять пьес. СПб., 1908. С. 3–51.

²⁸ Амфитеатров А. В. Пять пьес. С. 6.

²⁹ Соснора В. А. Январский ливень. С. 6.

ля о творческом принципе поэта в предисловии к книге «Всадники» (1969) писал Д. С. Лихачев: «Он <В. Соснора> берет летописные образы, героев былин и литературных произведений (Бояна, Маринку, Апраксию, Потока, Ставра и пр.), додумывает их характеры, досказывает за них их жизнь, сочиняет за Бояна его стихи, создает для них новые жизненные ситуации, смелые биографические подробности».³⁰ Сюжеты, события, историко-географические реалии, ставшие источниками «перефантазий» в цикле Сосноры от читателя скрыты. Аллюзии на них обнаруживаются благодаря «расшифровке» значимых слов, словосочетаний (например, курган-гора, Изюмский бугор), фраз, иногда целых эпизодов — «ключей», которые дает автор. Одним из них является имя заглавной героини стихотворения, вторым — его центральный эпизод.

В. Соснора в радиоинтервью 1960 г. говорил: «Пришлось перечитать *все* (курсив наш. — Т. К., И. Л.) русские летописи, пришлось даже выучить древнерусский язык, которым вообще-то я никогда раньше при своей слесарной работе не занимался...».³¹ Теоретически возможно обращение поэта к Полному собранию русских летописей — их основному изданию с 1841 г. Однако ограничиваясь в статье названным стихотворением, попытаемся разобраться, какие именно летописи Соснора мог использовать при его написании.

Рассказ о сватовстве кн. Владимира к полоцкой княжне Рогнеде известен в двух версиях: под 980 г. в ПВЛ³² и в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях под 1128 г.³³ В основе стихотворения «Рог-

---

³⁰ Соснора В. А. Всадники. С. 9.

³¹ Маграчев Л. Е. Рабочий-поэт (1960): [Радиоочерк] // URL: <http://staroeradio.ru/audio/36279>.

³² Известно, что ПВЛ как отдельный памятник не сохранилась. Наиболее приближенное к дате написания стихотворения (1959) издание ее текста с переводом, обстоятельными комментариями и статьями в академической серии «Литературные памятники» было осуществлено Д. С. Лихачевым и Б. А. Романовым (Повесть временных лет. В 2 ч. М.; Л., 1950). Работы, посвященные ПВЛ, и другие ее издания до 1959 г. см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 342–343. Научная база, подготовленная до 1959 г., могла помочь поэту сориентироваться в материале летописей.

³³ ПСРЛ: Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л., 1926. Стб. 75–76; Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927. Стб. 299–301; Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902. Л. 162 об.–163.

В хронографии известны случаи повторения рассказа об одном и том же событии в составе определенного памятника. Рассматриваемый рассказ — один из первых примеров переписывания истории Руси в идеологических целях: «У летописца возникла необходимость объяснить вражду Мстислава Великого (праправнука Владимира Святого) с полоцкими князьями... приведшую к изгнанию последних из Полоцка в Византию. В свидетельстве 1128 г. это противостояние объясняется генеалогическими

неда» — вторая версия рассказа, 1128 г., в которой Владимир унизил Рогнеду насилием на глазах родителей. Т. е. Соснора мог обращаться к текстам названных летописей, изданных до 1959 г.³⁴

В обеих версиях рассказа Рогнеда отвечает на сватовство Владимира отказом, говоря: «Не хочу розути робичича, но Ярополка хочу».³⁵ Отказ Рогнеды обусловлен тем, что Владимир — князь-бастард: сын кн. Святослава Игоревича и ключницы кн. Ольги — Малуши. Его воспитателем стал дядя по матери — Добрыня (воевода кн. Владимира, новгородский посадник).³⁶ Концовку рассказа ПВЛ сокращает до одного предложения. Версия статьи 1128 г. более пространна. Она содержит сведения о помощи Владимиру в победе над отцом Рогнеды, Рогволодом, со стороны разгневанного отказом Добрыни. Кроме унижительного эпизода насилия, в летописи сообщается также об убийстве из мести Владимиром родителей Рогнеды³⁷ и наречении ее Гориславой.³⁸ Продолжена эта статья сюжетом о неудавшемся убий-

---

причинами. Полоцкие князья именуется здесь “Рогволожи внуци”, а Мстислав и его родичи, соответственно, внуками Ярослава Мудрого. Однако очевидная несообразность такого объяснения явствует из текста самой Лаврентьевской летописи. И Изяслав, родоначальник полоцких князей, и Ярослав Мудрый являются сыновьями Владимира Святого от Рогнеды, о чем в летописи сообщается дважды» (*Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Два рассказа о Рогнеде, дочери Рогволода Полоцкого // *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 335, 338–339).

³⁴ Подробнее об изданиях Лаврентьевской и Радзивилловской летописей см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 245, 250.

³⁵ Имеется в виду часть свадебного обряда, когда новобрачная разувает мужа в знак покорности.

³⁶ С точки зрения правового подтекста ситуации «Летописный образ Рогнеды... целиком и полностью соответствует юридическому облику девушки, живущей и действующей в рамках скандинавского права X в. ...реплика Рогнеды означает, что она отвергает того, кто, согласно скандинавскому праву того времени, не может считаться законным наследником, как бы ни повернулось дело» (*Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контурсы русско-варяжского культурного взаимодействия. М., 2018. С. 141–142).

³⁷ В версии рассказа о Рогнеде и Владимире 1128 г., в отличие от версии 980 г., появляется мотив мести уязвленного жениха: «Поход на Полоцк организуется в этом случае исключительно ради отмщения, в некотором смысле ради нанесения оскорбления Рогнеде, Рогволоду и всему их роду... Совершается, таким образом... обмен оскорблениями, публичное насилие над девушкой становится своеобразной кульминацией этого обмена... Рогнеда вынуждена принять на крайне унижительных условиях то, что прежде предлагалось ей с почетом» (*Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Два рассказа о Рогнеде, дочери Рогволода Полоцкого. С. 343).

³⁸ В статье 1128 г. также появляется мотив переименования Рогнеды, в факте которого, по словам А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского «допустимо усомниться»: «Летописец, с одной стороны, включает Рогнеду в новую родовую историю, но, с другой стороны, подчеркивает унижительность ее статуса и, наконец, возможно, еще раз

стве Владимира Рогнедой из мести: по причине гибели отца и захвата его земель, а также из ревности: «Поя...ины жены многы (речь идет о кн. Владимире. — Т. К., И. Л.), и нача ей (Рогнеде. — Т. К., И. Л.) негодовати»;³⁹ и казни Рогнеды, прерванной малолетним сыном Изяславом, по научению матери вышедшему к Владимиру с обнаженным мечом со словами: «Отче, еда единъ мнишися ходя?»⁴⁰ Володимеръ же рече: “А хто тя мнѣль сдѣ!”⁴¹». И опустил меч.

Исследователи неоднократно обращали внимание, что летописный сюжет сватовства Владимира к Рогнеде и покорении им Полоцка имеет параллели в скандинавской традиции.⁴² Схож с сюжетом о Владимире и Рогнеде под 1128 г. сюжет польской «Хроники» Гала Анонима о Предславе (дочери Рогнеды?) и кн. Болеславе Великом. Есть версия, что к русскому летописцу он мог попасть из этого сочинения.⁴³ Подобный сюжет фиксируется и в «Истории лангобардов»

указывает на особое, отчужденное положение рода полоцких князей... Имя само по себе было “сгустком” родовой истории и вместилищем концентрированной информации о его носителе. И потому в литературном тексте оно могло превращаться в прозвище, эпитет и при этом оставаться именем собственным» (Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Два рассказа о Рогнеде, дочери Рогволода Полоцкого. С. 353). Подробнее о семантике имени Горислава см.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Два рассказа о Рогнеде, дочери Рогволода Полоцкого. С. 350–353.

³⁹ «Подобный поворот сюжета весьма примечателен. В древнейших русских летописях мы не находим никаких аналогий такой реплике. Тема любви и измены в княжеской семье — все эти куртуазные детали встречаются в летописных описаниях событий домонгольской эпохи исключительно в истории Владимира и Рогнеды» (Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Два рассказа о Рогнеде, дочери Рогволода Полоцкого. С. 342).

⁴⁰ Отец, ты думаешь, что находишься здесь один?

⁴¹ А кто бы мог подумать, что ты здесь!

⁴² См., например: Соколов Б. М. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира: Германно-русские отношения в области эпоса // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Т. 1 (10). Вып. 3: Словесно-историческое отделение педагогического факультета. Саратов, 1923. С. 69–122; Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.: Материалы и исследования. М., 1978. С. 209–212; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Два рассказа о Рогнеде, дочери Рогволода Полоцкого. С. 340–354; Михеев С. М. Легенда о Владимире и Рогнеде и скандинавская традиция: К параллели с легендой о сыновьях Хейдрека // Именослов. История языка. История культуры. СПб., 2010. С. 169–179; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... С. 126–150.

По предположению А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского основной рассказ о Владимире и Рогнеде под 1128 г. может являться сюжет о мести женщины, сложившийся в скандинавской или скандинаво-русской среде. Он имеет стереотипизированное построение: гибель родичей девушки, ее брак с погубителем отцовского рода, рождение у нее сына и собственно ее месть мужу. Автор летописной статьи, по-видимому, воспользовался сюжетным клише, «“достраивая” к сообщению об убийстве Рогволода и браке его дочери с Владимиром Святым от 980 г. эпизод о мести Рогнеды» (Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Два рассказа о Рогнеде, дочери Рогволода Полоцкого. С. 341–342).

⁴³ См. об этом подробнее: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Два рассказа о Рогнеде, дочери Рогволода Полоцкого. С. 349.

VIII в. Павла Дьякона. Король лангобардов Альбуин женится на Розамунде после победы над войском ее отца и его убийства; затем погибает вследствие заговора, составленного его женой на почве мести, т. к. Альбуин, веселясь на пиру, приказал поднести королеве кубок, сделанный из черепа ее отца.⁴⁴ Известна также версия сюжета о сватовстве Вильгельма Завоевателя (Вильгельма-бастарда) к Матильде Фландрской, в которой оскорбленный отказом бастард ворвался в зал графского замка, накинулся на юную девицу, повалил ее на пол и расплосовал шпорой ее платье. Матильда признала Вильгельма своим повелителем и вышла за него замуж.⁴⁵

Отмечалось также и отражение народно-поэтического мотива добывания невесты, связанного с древними сакральными представлениями, в летописном рассказе и былине о Дунае Ивановиче.⁴⁶ В современных исследованиях отмечаются генетически сложные взаимоотношения летописного предания и былины,⁴⁷ вследствие чего нельзя отождествлять исторических персонажей (Добрыню, Владимира) и эпических: «Можно ли безоговорочно возводить исторического Добрыню к эпическому, как это делали представители исторической школы? По-видимому, это было бы натяжкой. Случайность совпадения столь распространенного в Древней Руси имени, как Добрыня, не может не учитываться, как не может и не быть замечена в близких эпических и исторических сюжетах уж слишком активная и весомая роль столь незначительного героя, как помощник свата».⁴⁸ В связи с приведенным наблюдением В. И. Ереминой интересно обратить внимание на то, как с материалом летописи и былин работает Соснора. Ему наверняка была хорошо известна былина о Дунае (в до-

---

⁴⁴ Павел Дьякон. Из «Истории лангобардов» // Памятники средневековой латинской литературы VIII–IX вв. М., 2006. С. 79, 81. Заметим, что сообщением об изготовлении чаши из черепа кн. Святослава Игоревича сопровождается известный рассказ о его гибели в ПВЛ под 972 г. Об истории его появления в древнерусском тексте см.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... С. 72–125.

⁴⁵ Зюмтор П. Вильгельм Завоеватель. М., 2010. С. 138.

⁴⁶ См., например: Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. С. 61–63, 121–123; Пропл В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 136–155; Еремина В. И. Полоцкая и Корсунская легенда в былинной интерпретации // Русский фольклор. Т. 34. СПб., 2011. С. 274–281.

⁴⁷ Так, В. И. Еремина пишет, что мотив добывания невесты «безусловно обрядового происхождения и в эпосе имеет вторичное происхождение», связанное с трансформациями и художественными переосмыслениями архаического материала (Еремина В. И. Полоцкая и Корсунская легенда... С. 273, 274). См. также: Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 132.

⁴⁸ Еремина В. И. Полоцкая и Корсунская легенда... С. 275.

машней библиотеке поэта хранится экземпляр сборника 1938 г.⁴⁹), наиболее ранняя запись которой в сборнике Кирши Данилова имеет название «О женитьбе князя Владимира».⁵⁰ Поэтическая логика Сосноры позволяет выстраивать прямые связи между летописным и былинным сюжетами. Поскольку он решает творческие задачи, «научной» логике «противопоставляется логика поэтическая — законы ритма, сцепление звуков. Для автора, как для поэта, и для читателя, принимающего правила игры, она не менее убедительна».⁵¹ За «Рогнедой» следуют стихотворения по былинным мотивам («Калики», «Карачарово», «Скоморохи», «Калика»). Так, в цикле «Всадники» переплетаются и дополняют друг друга былинные и летописные образы и мотивы. Нарочитое смешение традиций, создание эклектичных образов — характерная черта поэтики Сосноры.

Уже первые критики отмечали «суровый закон в употреблении древнерусских слов и использование элементов современной стиховой мелодики. Стихи Сосноры, написанные по мотивам произведений древнерусской литературы, вполне современны. В застольную песню Бояна поэт вводит современный литературный оборот — “нам, на пашнях дробящим камни”, а в стихотворении “1111 год” встретится даже жаргонное словечко: “На дружинниках меха — баранья роба”».⁵²

Стихотворение — от первой до последней строки — производит впечатление изоощренной (если не избыточной), на грани искусства фокусника и жонглера, явно «послефутуристической» литературной техники.

В первых же строках однократно встречается неравносложная концевая рифма — примета поэтического стиля Маяковского: выкорчевывает — прокопченные. Автор стихотворения — молодой «поэт-слесарь» Виктор Соснора, в то же самое время авторство приписывается предшественнику автора «Слова...» — поэту-певцу Бояну, фигурирующему в «Слове о полку Игореве», упомянутому и в «Задонщине». Эта рифма с одной стороны — сигнал о том, что «древний Боян» парадоксальным, «невозможным» образом владеет рифмой Асеева и Маяковского, с другой — предвосхищение гипердактиличе-

---

⁴⁹ Благодарим Т. В. Соснору за доступ к библиотеке поэта.

⁵⁰ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938. С. 60.

⁵¹ Биткинова В. В. Текст документа, стиливой диалог и языковая игра в исторических эссе Виктора Сосноры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 148.

⁵² Михайлов А. Творчество и эксперимент // Литература и современность. Сб. 4: Статьи о литературе 1962–1964 годов. М., 1963. С. 257.

ской рифмы, которая появится лишь в предпоследней строфе (просо-вого — стоеросовая).

Стихотворение написано дольником на анапестической основе: по нашим подсчетам, 78,5 % долей совпадают со схемой стопы анапеста (UU–) или не противоречат ей (–U–, U– –). В авторской графике оно выглядит как астрофическое, хотя стиховая природа и авторские машинописи, где обозначены строки пробелов, свидетельствуют о том, что стихотворение написано четверостишиями *abab*, восприятие и осознание которых осложнено то появляющимися, то исчезающими внутренними рифмами. Зачины всех стихов анапестичны; встречаются и чисто анапестические стихи: «В теремах горячится пожарище», «Володимир родину Рогнедину», и др.

Несмотря на отсутствие пробелов, графика задает определенную мерность: четыре из восьми строф оформлены в виде повторяющейся дважды последовательности четырех коротких и одной длинной строк. В оставшихся четырех встречается деление на два (строфы III, где благодаря сдвигам отчетливо видим переход от четырехстрочного к двустрочному членению, VI, где двухчленное деление осложнено записью «лесенкой», и VIII) и на три (строфа V) подстишия. В строфах VI и VII принцип записи дает эффектный сбой.

Авторская графика динамизирует восприятие ритма: в виде отдельных строк оформлены не стихи, но доли нечетных стихов, в большинстве случаев совпадающие с фонетическими словами, между которыми устанавливаются отношения рифмы (Днепре — апрель), тождества (Днепре — Днепре) или аллитерационного соответствия (курган — круги;⁵³ передней — предка). Длинные строки противопоставлены по-разному укороченным и сдвинутым; и длинные, и короткие иногда могут быть оформлены «лесенкой». При первой публикации и в машинописях четные слова-доли в четырехдольных «столбиках» были напечатаны со сдвигом вправо; начиная с публикации 1969 года эти «столбики» строго вертикальны, за исключением случаев, когда сдвиг семантически или пластически функционален, выразителен.

Четные стихи, независимо от дробления на подстишия, — неукоснительно четырехдольны, а нечетные — трехдольны. Несмотря на единство, лежащее в основе каждой из восьми строф, дольник «Рогнеды» неоднороден: в строфах I–III и VI–VIII он тяготеет к логоэду, где четные позиции занимают «укороченные», двусложные доли (ямб), а нечетные — трехсложные (анапест): UU–/U–/UU–/U–. В двух срединных строфах, IV и V, «укороченных» нет, они близки к чистому анапесту и

⁵³ Более точное соответствие — внутри «длинной» строки (трехдольного стиха): курган — кругах.

приближаются к тактовому стиху: здесь встречаются не только одно- и двухсложные, но и трехсложные безударные интервалы.⁵⁴

На всех уровнях организации стихотворения видима игра чередованиями четных и нечетных позиций, как в вертикальном (строфа), так и в горизонтальном (стих-логаэд) измерениях, слияниями и разделениями компонентов (стихов, слов).

Графика — выравнивание по левому краю, без сдвига — выделяет строфы VI и VII — произнесенную «в сердцах» реплику князя Владимира, представляющую в окружении двух «осовременивающих» пейоративов (первый из них укоренен в предыдущей, пятой строфе): «Ах ты, сука непорочная!» и «...дура стоеросовая», при том что текст реплики, как и кметской «подначки», сохраняет строй авторского скоморошества. (Подпитка поэтического слова за счет перформативной силы бранных слов и божбы, нарушающих речевые табу, — также дань поэтике Маяковского.) В машинописных редакциях «слитность» строф была акцентирована единственным раз отсутствующим пробелом. Именно здесь, на границе строф VI и VII читатель, дабы сохранить мерность, должен единственный раз мысленно не соединить подстишия в стих, но, напротив, разделить стих на подстишия: «Не брильянты глаза / у тебя! Отнюдь!» Комической модернизации реплики служат и разговорные «прикончит» и «быстренько». (В машинописных редакциях — еще одно, отвергнутое в первой же публикации, модернизирующее словоупотребление: строки «и сынок / отца» читались: «и пацан / отца».) Персонаж истории становится у Сосноры трогательно-современным в момент эмоционального «всплеска», экспрессия его обиды как бы «забывает» об исторических трансформациях языка. Наиболее сильное ритмическое «возмущение» материи стиха приходится на самый конец реплики князя: «...От любви к тебе, дура стоеросовая!» (UU- /U- -(U)/UU-/UUU).

Слово-историзм «кмет» («лучший, опытный, искусный воин») склоняется по современной норме: по-древнерусски во множественном числе правильно было бы «кмети» (от «кметь», как в «Слове о полку...»). Однако Соснора модернизирует слово, которое более точно поддерживало бы рифму в исторической форме: кмети — Рогнеде. Отметим еще один случай «расслаивания» древнерусского и современного языка: употребление имени персонажа в полногласной форме (Володимир), в то время как в современном языке (и в дру-

⁵⁴ В строках «Просмоленные, прокопченные» и «Хитроумника, ненавистника», несмотря на длинные интервалы, эффекта тактовика не возникает — из-за кратности рифмующимся логаядическим стихам безударные участки получают подобия полуударений: «Просмоленные, прокопченные» и «Хитроумника, ненавистника» (UU-/UU/UU-/U-> <UU-/U-/UU-/U->).

гих строфах) имя закреплено в старославянской форме — Владимир. Имя собственное и связует, и «разводит» историю и современность; по свидетельству Татьяны Владимировны Сосноры, поэт «рассказывал о том, как услышал обращенное к кому-то “Ярослав!” в автобусе по пути на завод или с завода — и завертелось...». Имя *Рогнеда* употребляется в стихотворении 5 раз (или 6, если включить в счет название стихотворения), имя *Владимир* — 3 раза, и один раз в форме *Володимир*. Особое место занимает имя *Сварог*, анаграмматически пересекающееся с именем героини: *Сварог* — *Рогнеда*.

Внутренние рифмы часто построены на комбинации открытого и закрытого слогов, в прямом и обратном порядке (*На Днепре — апрель; Смоленск — смоле; грозишь — грязи; отнюдь — родню*; отвергнутое: *пацан — отца*). Анаграммы имени героини в строфе V («Дай рог / Рогнеде / продрогнет Рогнеда...») превращается в изысканную составную рифму: рог не дал — Рогнеде.

Кроме того, конструкция «Но Владимир / рог не дал / нелюдимой / Рогнеде», осознанно или подсознательно, ассоциирована в восприятии читателя с пословицей «Бодливой корове Бог рог (рогов) не дал (не дает)». Слово *рог* начинает играть потенциальными смыслами, прямыми (рог животного и рог для питья) и переносно-метафорическими значениями. Существенным представляется как прямой смысл пословицы, так и косвенный. В ее прямом толковании («Тот, кто хочет чего-л., стремится к чему-л., кто мог бы злоупотребить своим положением, не получает возможности осуществить желаемое»⁵⁵) содержится намек, который в памяти искушенного читателя может вызывать изложенную в летописном рассказе ситуацию неудачного покушения Рогнеды на Владимира, тогда как «прописанная» фраза «и сынок / отца завлечет / в капкан / и прикончит Владимира быстренько» отсылает к финальной ситуации этого рассказа. Косвенное, через паремиологическую память, ироническое уподобление Владимира, величайшей заслугой которого является крещение Руси, — Богу (Владимир Красно Солнышко), а Рогнеды — корове, находит пластическое подтверждение в финале: «Только очи ворочает сумрачно» (как корова).

Две центральные строфы также выделены и объединены благодаря женским окончаниям в нечетных стихах; кроме того, расположение внутренних рифм делает их в определенном смысле концевыми, а строфа, оставаясь той же в своих главных параметрах «вытягивается» из четверостишия в секстину, где первый, второй, четвертый и пятый стихи двухдольны, а третий и шестой — трехдольны. Строфы III и IV, в свою очередь, объединены отсутствием одной из концевых

⁵⁵ Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2000. С. 41.

вых рифм (богатырей — супостат; Сварога — ключицы). Ухо читателя его почти не замечает из-за обилия внутренних рифм и созвучий. Выделенность (на нескольких уровнях сразу) двух срединных строф связывает общую композицию восьмистрофного стихотворения с обратным и прямым «золотыми сечениями» (обратное приходится на стих 9 — «Во курган- / горе / пять бога- / тырей», а прямое на стих 16: «Он промолвил: — Ах ты, сука непорочная!»).

Своего рода черту под первыми двумя строфами подводит записанный лесенкой «длинный» стих «и курган / в кругах / отражается» (еще один оформленный так же «длинный» — последний: «только очи / ворочает / сумрачно», так же опирается на утроение согласной: р-р-р — ч-ч-ч). Почти сквозная прорифмованность, энергичная ритмика и аллитерационное богатство получают завершение в замечательном иконическом эффекте финала второй строфы. Комментируя стихотворение Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» Д. С. Лихачев писал: «В этом стихотворении содержание его удивительным образом слито с его построением. Изображено отражение в опрокинутом виде улицы, фонаря, аптеки. Это отражение отражено (я намеренно повторяю однокоренные слова — “отражение отражено”) в построении стихотворения». ⁵⁶ У Сосноры отражено «отражение отражения»: курган отражается в водяных кругах так же, как буквенный состав слова «курган» неточно отражается в напечатанном *под* ним слове «кругах», и этот эффект специально отмечен рефлексивным итогом: «...И курган / в кругах / отражается». Возникает эффект приближения к «адамическому» слову, не знающему различия между означающим и означаемым, не столько описывающему, сколько создающему некоторую реальность. «Невозможность» решения задачи создания романа на материале истории и литературы Древней Руси преодолевается иконической убедительностью слова, которая распространяется от этого участка как ретроспективно, так и проспективно, до конца стихотворения. Пластический иконизм распространяется и на пятикратное «в» в «Волны валкие выкорчевывают», и на утроенное «ч» в «только очи ворочает сумрачно», и на удлинение двусложной доли до трехсложной в протяженности «от кормы до весла» — хотя сами по себе аллитерационные скопления не содержат выраженных иконических эффектов.

В начале следующей строфы печальная судьба порубленных богатырей находит отражение в отмеченном дефисом «разрубе» слова «бога-тырей», подготовленном синтаксическим приложением (аппозитивом): «во курган-горе» (аппозитив, как и в случае «плечи-

⁵⁶ Лихачев Д. С. Из комментария к стихотворению А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека» // Русская литература. 1978. № 1. С. 187.

ключицы», служит архаизации впечатления). Впрочем, незаметным для глаза, чисто стиховым способом Соснора «рассекает» в строфе V другие имена и слова: с помощью внутрисловесной рифмовки («Но Влади</>мир» — «нелюди</>мой») или благодаря отклоняющейся от принципа записи стиха в виде четырех подстиший записи; сохраняя заданную мерность, стих 17 читается «Хорохо</>рятся кме</>ты: — Дай рог / Рогнеде». Именно в момент кметского «подначивания» дробление длинных нечетных стихов переходит с четного на нечетный порядок (на три, а не на четыре или на два подстишия), с тем, чтобы на стыке строф VI и VII сложившаяся и уже привычная читателю система записи стиха дала окончательный «сбой», перед тем как вернуться в VIII к порядку строф I и II. Линейная композиция определяется парами строф: I–II — общая экспозиция, III–IV — конкретизация (приближение), V–VI — завязка и начало кульминационной реплики князя Владимира, и, наконец, VII–VIII — завершение реплики и разрешение конфликта. В то же время экспозицией можно считать и лишь первые три строфы, в финале которых впервые появляются в одном стихе (и одной строчке) имена главных героев («Володимир родину Рогнедину»). В таком случае композиция выглядит как 3 + 2 + 3, итого 8 строф (две срединные, как мы помним, выделены и по формальным показателям: женские окончания в нечетных, трехсложные междуиктовые интервалы). Композиционное кольцо подчеркнуто возвращением рифмы: *весна* — *весла* в строфе I и *преподносит* — *на!* — *княжна*.

В заключение вернемся к сюжету стихотворения и ненаписанного Соснорой романа, оставившего в цикле «Всадники» след в виде сложного переплетения мотивов, имен и сюжетных коллизий. Обратим внимание на деталь: из-за отказа Рогнеды Добрыня «исполнится ярости», став участником и провокатором трагических событий летописного рассказа: «И Добрыня поноси ему (Рогволоду. — Т. К., И. Л.) и дщери его, нарекъ ей робичица⁵⁷ и повелѣ Володимеру быти с нею пред отцемъ ея и матерю. Потом отца ея оуби, а саму поя женѣ и нарекоша ей имя Горислава».⁵⁸ Однако Добрыня в рассматриваемом стихотворении не упоминается. В нем описывается ситуация после происшедших событий, которую поэт домысливает. Причем он фиксирует момент перехода между прошлым и будущим. Описание «промежуточных» состояний характерно для поэтики Сосноры. Упоминание Добрыни здесь было бы избыточным. Однако стих «пир

⁵⁷ Наречение Рогнеды «робичицей» (как и Гориславой) — «констатация нового положения дочери полоцкого князя и статуса ее будущих детей» (Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... С. 143–144).

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 300.

горой коромыслами дымными» отсылает к предшествующему «Рогнеде» стихотворению «Пир Владимира». В нем речь идет о событиях, зафиксированных в ПВЛ под 996 г. Самый яркий эпизод пира — требование дружины выковать серебряные ложки, что Владимир и повелел сделать, сказав так: «Сребромь и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко же дѣд мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра».⁵⁹ Д. С. Лихачев отмечает, что летописные рассказы о знаменитых пирах Владимира — отголоски дружинных песен, сохраненные в ПВЛ от дописьменного периода,⁶⁰ они воспеваются и в былинах. Так, пиры кн. Владимира — еще один пример мотива, принадлежащего устной и письменной традициям Древней Руси, и, возможно, в сознании читателя выстраивающий их связь.

В стихотворении Сосноры на пиру инициирует требование выковать серебряные ложки Добрыня, в летописном повествовании отсутствующий:

Очень обижен Добрыня —
крутит чупрыною аж:
— Вот что, Владимир,
отныне
ты мне, племяш, — не племяш.
Красное Солнце,
не гоже
ложке шуршать на губе.
Тьфу!
Деревянные ложки! —
Бей, бубен,
бей, бубен,
бей!
Хмуρο десятники встали:
— Выковать ложки пора!
Разве мы не добывали
разного злат-серебра?
Липовой ложкой
как можно
мучить дружину тебе?
Слава серебряным ложкам! —
Бей, бубен,
бей, бубен,
бей!⁶¹

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 126. «Сребром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду сребро и золото, как дед мой и отец мой с дружиною доискались золота и сребра».

⁶⁰ Повесть временных лет. Ч. 2. С. 20–21.

⁶¹ Соснора В. А. Всадники. С. 13. Недалновидный и недоброжелательный советский критик возмущался: «У Князя Владимира идет пир. И, естественно, как и подобает на любом пиру, дружина князя ест и пьет на славу. Однако на пиру принято не

Речь на пиру обиженного Добрыни и слова «ты мне племяш — не племяш» (при условии, что читателю знаком текст летописи) может по ассоциации отсылать ее к событиям, «перефантазированным» Соснорой в «Рогнеде». Фигура Добрыни выступает в качестве неявного связующего звена между стихотворениями цикла.

Аллюзии, неявные связи между стихотворениями на уровне мотивов, образов, отдельных словосочетаний — приемы, с помощью которых поэт «перефантазирует» события для современного читателя.

только пить, но и говорить речи. И В. Соснора здесь не нарушает сложившихся традиций. Но представляет интерес то, о чем говорят храбрые воины русского князя: (Далее приводится целиком последняя из цитируемых строк. — *Т. К., И. Л.*). Вот, оказывается, каков застольный разговор храбрых витязей! Их интересы, их заботы, как можно убедиться, довольно убоги, дальше “серебряных ложек” не идут. (Почему именно ложки — нетрудно понять.)» (*Дитц Вл.* Традиции и современность // *Дон.* 1970. № 11. С. 175). Это суждение еще раз обращает наше внимание на знание летописного сюжета Соснорой и обнаруживает явное непонимание материала критиком.

1. Авторская графика и строфа

I	<p>На Днепре апрель, на Днепре весна волны валкие выкорчевывает. А челны черны, от кормы до весла просмоленные, прокопченные.</p>	<p>¹ → На Днепре /→ апрель, /→ на Днепре /→ весна ² волны валкие выкорчевывает. ³ → А челны /→ черны, /→ от кормы /→ до весла ⁴ просмоленные, прокопченные.</p>
II	<p>А Смоленск в смоле, на бойницах крюки, в термах горячится пожарище. У Днепра курган, по Днепру крути, и курган в кругах отражается.</p>	<p>⁵ → А Смоленск /→ в смоле, /→на бойницах / крюки, ⁶ в термах горячится пожарище. ⁷ → У Днепра /→ курган, /→по Днепру /→ крути, ⁸ и курган /→→ в кругах /→→→ отражается.</p>
III	<p>Во курган- горе пять бога- тырей, груды в шрамах – военных отметилах, непробудно спят. Порубил супостат Володимир родину Рогнедину.</p>	<p>⁹ → Во курган-/→→ горе / → пять бога-/→→ тырей, ¹⁰ груды в шрамах – военных отметилах, ¹¹ → непробудно спят. / → Порубил супостат ¹² Володимир родину Рогнедину.</p>
IV	<p>На передней коробе в честь предка Сварога пир горой – коромыслами дымными. Но Рогнеда дичится, сдвинув плечи- ключицы, отвернулась от князя Владимира.</p>	<p>¹³ → На передней /→ коробе /→ в честь предка /→ Сварога ¹⁴ пир горой – коромыслами дымными. ¹⁵ →Но Рогнеда /→дичится, /→сдвинув плечи-/→ключицы, ¹⁶ отвернулась от князя Владимира.</p>
V	<p>Хорохорятся кметы: – Дай рог Рогнеде, продрогнет Рогнеда под сорочкою. – Но Владимир рог не дал нелюдимою Рогнеде. Он промолвил: – Ах ты, сука непорочная!</p>	<p>¹⁷ → Хорохорятся кметы: /→ – Дай рог /→ Рогнеде, ¹⁸ продрогнет Рогнеда под сорочкою. – ¹⁹ → Но Владимир /→ рог не дал /→ нелюдимою /→ Рогнеде. ²⁰ Он промолвил: /→ – Ах ты, сука непорочная!</p>
VI	<p>Ты грозись: в грязи народишь сына, хитроумника, ненавистника, и сынок отца завлечет в капкан и прикончит Владимира быстренько.</p>	<p>²¹ Ты грозись: /→ в грязи / народишь сына, ²² хитроумника, ненавистника, ²³ и сынок /→ отца / завлечет в капкан ²⁴ и прикончит Владимира быстренько.</p>
VII	<p>Не брильянты глаза у тебя! Отнюдь! Не краса – коса цвета просового. От любви убил я твою родню, от любви к тебе, дура стоеросовая! –</p>	<p>²⁵ Не брильянты глаза </> у тебя! Отнюдь! ²⁶ Не краса – /→ коса / цвета просового. ²⁷ От любви / убил / я твою родню, ²⁸ от любви к тебе, дура стоеросовая! –</p>
VIII	<p>Прослезился князь, преподносит – на! – скатный жемчуг в бисерной сумочке. Но челны черны, и княжна мрачна, только очи ворочает сумрачно.</p>	<p>²⁹ → Прослезился князь, /→ преподносит – на! – ³⁰ скатный жемчуг в бисерной сумочке. ³¹ → Но челны /→ черны, /→ и княжна /→ мрачна, ³² только очи /→→ ворочает /→→→ сумрачно.</p>

2. Ритмика

U U -	U -	U U -	U -	На Днестре апрель, на Днестре весна волны валкие выкорчевывают. А челны черны, от кормы до весла просмоленные, прокопченные.
- U -	U U	U U -	UUU	
U U -	U -	U U -	UU -	
U U -	U U	U U -	U U	
U U -	U -	U U -	U U -	А Смоленск в смоле, на бойницах крюки, в теремах горячится пожарище. У Днестра курган, по Днестру круги, и курган в кругах отражается.
U U -	U U -	U U -	U U	
U U -	U -	U U -	U -	
U U -	U -	U U -	U U	
U U -	U -	U U -	U -	Во курган-горе пять бога-тырей, груди в шрамах – в осенних отметилах, непробудно спят. Порубил супостат Володимир родину Рогнедину.
- U -	U U -	U U -	U U	
U U -	U -	U U -	U U -	
U U -	U U -	U U -	U U	
U U -	U U -	U - -	U U - U	На передней короге в честь предка Сварога пир горой — коромыслами дымными. Но Рогнеда дичится, сдвинув плечи-ключицы, отвернулась от князя Владимира.
- U -	U U -	U U -	U U	
U U -	U U - (U)	- U -	U U - U	
U U -	U U -	U U -	U U	
U U -	U U -	U - -	U - U	Хорохорятся кметы: – Дай рог Рогнеде, продрогнет Рогнеда под сорочкою. — Но Владимир рог не дал нелюдимою Рогнеде. Он промолвил: — Ах ты, сука непорочная!
U - (U)	U - (U)	U U -	U U	
U U -	U - - (U)	U U -	U U - U	
U U - (U)	U U - (U)	U U -	U U	
U U -	U -	U U -	U -	Ты грозишь: в грязи родишь сынка, хитроумника, ненавистника, и сынок отца завлечет в капкан и прикончит Владимира быстренько.
U U -	U U	U U -	U U	
U U -	U -	U U -	U -	
U U -	U U -	U U -	U U	
U U -	U U -	U U -	U -	Не брильянты глаза </> у тебя! Отнюдь! Не краса — коса цвета просового. От любви убил я твою родню, от любви к тебе, дура стосросовая! —
U U -	U -	U U -	U U U	
U U -	U -	U U -	U -	
U U -	U - - (U)	U U -	U U U	
U U -	U -	U U -	U -	Прослезился князь, преподносит — на! — скатный жемчуг в бисерной сумочке. Но челны черны, и княжна мрачна, только очи ворочает сумрачно.
- U -	U -	U U -	U U	
U U -	U -	U U -	U -	
- U -	U U -	U U -	U U	

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ
Выпуск 41

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ
Серия основана в 1975 г.

ЛИТЕРАТУРА
И ИСТОРИЯ
В КОНТЕКСТЕ
АРХЕОГРАФИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственные редакторы
кандидат исторических наук *С. Г. Петров*,
кандидат филологических наук *В. А. Ромодановская*

НОВОСИБИРСК
2022

УДК 821+091:003.3

ББК 83.3+63

Л 64

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Д. А. Ананьев*,
кандидат филологических наук *Л. А. Курышева*

Редколлегия:

канд. ист. наук *С. Г. Петров* (отв. редактор), канд. филол. наук
В. А. Ромодановская (отв. редактор), канд. филол. наук *Л. В. Титова*
(отв. секретарь), канд. ист. наук *И. А. Шипилов* (секретарь), д-р ист.
наук *Н. С. Гурьянова*, канд. ист. наук *И. Л. Манькова*, д-р ист. наук
Н. П. Матханова, академик РАН *С. И. Николаев*, член-корреспондент
РАН *И. В. Силантьев*, д-р филол. наук *Т. В. Панич*, д-р филол. наук
Е. М. Юхименко

Утверждено к печати

Ученым советом Института истории СО РАН

Л 64 Литература и история в контексте археографии / Отв.
ред. *С. Г. Петров, В. А. Ромодановская*; Рос. акад. наук,
Сиб. отд-ние, Ин-т истории. — Новосибирск, 2022. — 524 с.
(Археография и источниковедение Сибири; вып. 41).

Очередной 41-й выпуск научных трудов серии «Археография и источниковедение Сибири» посвящен памяти члена-корреспондента РАН, доктора филологических наук Елены Константиновны Ромодановской. В сборник включены статьи филологов, историков, музыковедов в широком хронологическом и тематическом диапазоне. В его составе нашел отражение обширный круг научных проблем, поднятых в трудах ученого. Авторами статей представлены результаты проведенных исследований, направленных на решение актуальных проблем по филологии, отечественной истории, археографии, источниковедению, с применением современных научных подходов и методов. Важной составляющей сборника является раздел публикации источников.

Книга рассчитана на филологов, историков, культурологов, музыковедов и всех читателей, проявляющих интерес к русской литературе, истории и культуре.

ISBN 978-5-93889-405-1

© Институт истории СО РАН, 2022